Как у нас на селе подралась попадья с дьяконицей; маленько пономоря, черт треснул пономоря; поп затужил и обедни не служил. Собрались сельски, деревенски, господски, посадски, собралось семьдесят семь нищих; плели они лычный колокол о сто пудов, повесили на крапивный сук, ударили в соборе не рано; услыхали люди не мало; Филька да Илька, Савка да Ванька. Приносили они нищим пищу: куричьи сливки, свиные рожки, бараньи крылья. Пошел Ванька в кладь, взял кусок железа, сковал себе топор-ни мал, ни велик-с комарье плечо. Пошел с ним в чистое поле пресвятое дерево рябину рубить; впервые тюкнул-пошатилась, вдругорядь тюкнул - повалилась. Он рубил-рубил, ничего не срубил, только у себя как-то ногу отсек. День лежал и ночь лежал" никто не опознал; опознали комар да муха, зеленое брюхо; посадили его "а колеска, повезли на небеска. На небесах стоит церковь - из пирогов складена, шаньгой покрыта, калачом заложена. Ванька на это хитер бывал: взял-калач переломил, да и двери отворил. В церкви-то все не по-нашему: паникадило репяное, свечи морковны, образа-пряничны; стоит поп железный, пономарь оловянный, жестяная просвирня. Он у них спросил: "Когда у вас бывает репно заговенье?" Они ничего ему на то не сказали, а Ванька осерчал, по щелчку им дал, да с неба упал.